

Шитоу и сам не понимал, что творилось у него в голове той ночью, когда он покинул Озеро Малого Зеркала. Помнил лишь, как заворожённо смотрел на хлынувший ливень, на Янь Чичэна... А потом тело словно само сделало выбор. Шаг, другой — он поднялся с постели, выскользнул в окно, прямо под холодные струи дождя. Разум лихорадочно цеплялся за любые оправдания: Янь Чичэн невыносимо деспотичен, кисло-сладкий окунь уже поперёк горла стоит, Шуй-нян вечно лукавит, да и на дне Озера Малого Зеркала тоскливо до смерти...

«В конце концов, мне просто не по душе здесь оставаться»

В каком-то полузабытии он оставил усадьбу у воды. Стараясь не попадаться на глаза Янь Чичэну, Шитоу пополз вверх по склону, цепляясь за свисающие плети дикого плюща и лозы. Служанка Шуй-нян заметила беглеца и тихо окликнула, спросив, куда это он собрался, но Шитоу лишь скрестил руки над головой, показав ей огромный крест.

Шуй-нян замялась, словно хотела возразить, но промолчала. Она лишь молча смотрела, как он, точно ловкая обезьяна, прыжками карабкается всё выше и выше.

Чем выше он взбирался, тем сильнее колотилось в груди сердце. Вскоре сквозь пелену дождя на утёсах замерцали редкие огоньки. До него донеслись запахи чая, хмельного вина, кухонного дыма, девичьей пудры, дорогого шёлка и копоты лампового масла... Шитоу застыл на месте, очарованный этим живым дыханием мира. От Янь Чичэна никогда так не пахло. От него веяло лишь ароматом лесных трав — глубоким, прохладным и безукоризненно чистым.

Перед тем как ступить на вершину обрыва, он напоследок оглянулся. Озеро Малого Зеркала превратилось в крошечный осколок серебра, усадьба у воды казалась не больше кунжутного зёрнышка, а самого Янь Чичэна уже невозможно было разглядеть.

Шитоу и сам не знал, чего в его душе сейчас больше — горечи или облегчения. Но одно было неоспоримо: стоило властному спутнику остаться позади, как давящая тяжесть, исходившая от него, бесследно рассеялась. Даже ночной ветер над головой сделался ласковым и невесомым.

В этой упоительной лёгкости ему вдруг показалось, будто он парит меж облаков, отринув всё земное. Шитоу задохнулся от восторга. Раскинув руки, он попытался повторить заклинания, подсмотренные когда-то у мастеров школы Улин. И хотя память то и дело подводила его, тело само совершало нужные пассы. Порывы ветра взметнули широкие рукава его халата. Едва касаясь носками сапог верхушек вековых сосен, точно скользящий по воде коршун, он устремился вперёд, готовый преодолеть тысячи ли за один день. Закрыв глаза, он подставил лицо хлещущему дождю. Весь этот мир вдруг показался ему частью собственного существа: туман, ливни, грозы — всё подчинялось его воле, стоило лишь позвать. А презренное золото и драгоценный нефрит казались пустяком, который можно сотворить одним лишь прикосновением пальца.

— Янь Чичэн, гляди, как я могу!.. Апчхи! — радостно закричал он, устремляясь вниз. Ветер трепал мягкие пряди у его висков. Нос внезапно защекотало, и Шитоу оглушительно чихнул. Этот чих мигом согнал с него хмель наваждения: какой к чёрту Янь Чичэн? Нет его тут.

«И то ладно. По крайней мере, никто больше не станет хватать меня за подбородок и допытываться, откуда я знаю эти приёмы!»

Сам того не замечая, он перелетал через хребты и многолюдные города, бродяжничал по глухим деревням и шумным заставам. Чем дальше он уходил от школы Улин, тем привольнее дышалось. А уж там, где отродясь не слыхивали имени Янь Чичэна, Шитоу и вовсе чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Спустя пару дней последние крохи тоски по грозному заклинателю выветрились из его головы. Жизнь казалась прекрасной и беззаботной. Досаждало лишь одно: его неуёмное желание похвастаться своими силами некому было оценить.

Оказавшись в каком-то заштатном городишке, он от нечего делать прибил к уличным оборванцам и решил развлечь их, явив Заклятие превращения камня в золото. Нищие уставились на него во все глаза. Однако вместо благоговения они злобно ощерились:

— Слышь, малец, откуда приволок? Кого обокрал?

И не успел он опомниться, как на него посыпался град ударов. Шитоу принялся уворачиваться, вереща от боли и на ходу сплетая пальцами защитные знаки. Но посреди потасовки его вдруг обожгла мысль.

«Если я сейчас прихлопну этих ублюдков, как назойливую мошкарку, то чем я буду лучше проклятого Янь Чичэна?»

Эта мысль мгновенно лишила драку всякого азарта.

От одного упоминания этого имени на душе стало горько и обидно. Отбиваясь от нападавших, он в отчаянии завопил:

— Прекратите драться! Я — любимый наложник самого Бессмертного владыки Улин! Как вы смеете поднимать на меня руку?!

Нищие на мгновение опешили, но тут же покатались со смеху. Вожак оборванцев, оскалив гнилые зубы, сплюнул под ноги:

— Если ты прихвостень владыки Улин, то я — зять покойной бабки самой Призрачной феи! Сверни я шею такой мелкой сошке, как ты, даже Небесный владыка слова не скажет!

И с этими словами он с размаху съездил Шитоу по переносице.

Шитоу взвизгнул и, проскользнув у него под рукой, отпрыгнул в сторону.

— Слышь, браток, по лицу-то зачем?! Если ты погубишь мою бесценную красоту...

Нищий смачно плюнул в его сторону:

— Красоту?! Да на роже шелудивой жабы грязи меньше, чем на твоей харе!

Шитоу растерянно моргнул, подбежал к бежавшему неподалёку ручью и заглянул в воду. Из отражения на него воззрился грязный оборванец: за несколько дней непрерывного бегства его волосы спутались, а лицо покрылось толстым слоем пыли и копоти. Настоящий лесной заморыш!

— О Небеса! — взвыл он, заливаясь слезами. — За что вы наделили меня силой бессмертных, но лишили их главного дара — чтобы ни пылинка не приставала к одежде, ни соринка к ногам?!

Оборванцы весело загоготали. Пиная беднягу, словно старый кожаный мяч, они вволю поглумились над ним, после чего шумно разбрелись кто куда.

Шитоу повалился на обочине, приходя в себя, а затем поплёлся вдоль улицы. Прохожие брезгливо шарахались от чумазого бродяжки, но его это лишь забавляло. Он то и дело запускал пальцы в чужие лотки, утаскивая то засахаренные фрукты, то горячие паровые булочки. Если ловили за руку — сносил любые тумачи и ругань. Торговцы, видя, что перед ними глупый и по уши перепачканный ребёнок, лишь отмахивались от него. Если же кто-то всерьёз грозился сдать его уездному судье, Шитоу ужом выскальзывал из рук и растворялся в толпе.

«Вот она, настоящая воля! Весь мир у моих ног, иди куда глаза глядят. И катись он к чертям, этот Янь Чичэн!»

Но имя Янь Чичэна вновь всплыло в памяти. Шитоу словно покатал его на языке, смакуя каждый слог, а затем с трудом сглотнул, точно целиком проглотил дикую кислую сливу. Разгрызть её не хватало духу, а застряв в горле, она мешала дышать.

Чем глубже он погружался в эти чувства, тем сильнее злился на Янь Чичэна. Теперь, бродя по городам, он за версту обходил храмы Небесного Божества. Стоило ему наткнуться взглядом на храмовое изваяние с бездонными тёмными глазами, как душу сковывал безотчётный страх — куда более сильный, нежели при встрече с живым заклинателем. Со временем он стал избегать и всего, что было связано со школой Улин. Он запретил себе даже думать о ней, а если три заветных слова всё же прорывались в мысли, яростно тряс головой, прогоняя их прочь.

Скрывшись от священных стен в клубах дорожной пыли, вздымаемой телегами, он внезапно ощутил собственную ничтожность. Озеро Малого Зеркала едва насчитывало пару сотен чжанов в ширину; когда он обитал там, крутые утёсы вокруг казались распростёртыми у его ног, а взор Янь Чичэна заменял ему весь небосвод. В том тихом уединении Шитоу казалось, будто он сам — величайшее создание во Вселенной. Но стоило ему окунуться в суету мирской жизни, где вечно спешащие прохожие заботились лишь о своих близких, как древний дух камня впервые познал горький вкус полного одиночества.

«Подумаешь, велика беда!»

Разбежавшись, он нырнул в чьё-то открытое окно, стянул со стола два варёных яйца и пулей взлетел на дерево. Сверху он так и прыскал со смеху, глядя, как разгневанные хозяева лавки

осыпают его проклятиями и пытаются достать длинными бамбуковыми шестами. Шитоу ловко уворачивался, прыгая с ветки на ветку и корча рожи. Когда разъярённая толпа наконец разошлась, он победно засунул яйцо в рот и с хрустом разжевал его, тут же забивая рот осколками скорлупы.

— Тьфу-тьфу-тьфу! — Шитоу заплювался, высунув язык. — Какая гадость!

— Ах ты выродок паршивый! Жрать яйца со скорлупой ума хватает, а туда же — чужой кусок хлеба отбирать! Ослеп ты, что ли, придурок недоделанный?

— Это кто там тявкает? — Шитоу уцепился за ветку и свесился вниз. Под деревом стоял маленький нищий оборванец, угрожающе размахивая обрубком палки. — Ты чего там лопочешь, малец?

— Тебя, сучье вымя, ублюдка привокзального, и крою! — огрызнулся малец.

Шитоу и половины этих бранных слов не понял, но сдаваться не желал. Помахивая недоеденным яйцом, он обиженно крикнул в ответ:

— Да откуда мне было знать про скорлупу?! Дома мне подавали яйца исключительно нежными и очищенными!

— Ишь ты, барин выискался! — сплюнул малец. — Голодранец паршивый, а перед дедушкой тут господского сынка корчит! Рожа у тебя, сучий сын, смазливая — самое то сдать тебя в весёлый дом под хвост баловаться. Там тебя живо научат яйца чистить!

— Ах ты дрянь! — рассвирепел Шитоу. — У меня благородное происхождение! Не смей пороть чушь!

— Ха-ха-ха! Да ты и лаяться-то не умеешь, как девка краснеющая! — покатился со смеху оборванец.

Стерпеть такую обиду Шитоу не мог. Спрыгнув с ветки, он мёртвой хваткой вцепился в лохмотья паренька, требуя немедленно научить его самым грязным ругательствам.

Они просидели до глубокой ночи, усердно упражняясь в сквернословии. Шитоу так старался, что у него пересохло в горле. Без сил повалившись на сырую землю, он уставился на бледный, подёрнутый дымкой серп луны. Вдруг в его груди что-то заныло.

— Послушай, малец... — тихо спросил он. — Ты ведь тоже бродяжничаешь. Твои родные... они разве не ищут тебя?

Мальчишка на секунду замер, а затем яростно огрызнулся:

— Твою мать за ногу! Если бы мои родичи не передохли все до единого, стал бы я тут с тобой, недоноском, лясы точить?!

— А-а, — безучастно протянул Шитоу. — Ну, тогда и мои тоже все вымерли. — Немного помолчав, он добавил: — И всё же... хотелось бы тебе, чтобы они тебя отыскали?

— Чего?! Мне что, на Праздник духов головой в нужник нырнуть, чтобы мертвяки за мной явились? — буркнул малец.

Шитоу словно и не слышал его. Он сидел, прислонившись к шершавому стволу сосны, и задумчиво разглядывал тонкий рог молодого месяца, что был не больше его ногтя на мизинце.

— И я возвращаться не хочу, — прошептал он, шурясь на ночное небо. — Как подумаю об этом — жуть берёт. Но в то же время... тянет назад. А как вспомню, почему тянет, так пугаюсь ещё сильнее. — Он соединил кончики пальцев, оставив крошечный зазор. — И всё же... самую малость мне хочется, чтобы он пришёл за мной.

Малец насупился, разглядывая его с недоумением. Лицо его выражало глубокую работу мысли. Наконец он выдавил:

— М-да... Сдаётся мне, у тебя дома творится какая-то мутная хреновина, о которой и вслух-то сказать стыдно. Я угадал?

— Твоя правда, — вздохнул Шитоу.

— Ну надо же, — хмыкнул малец, придвигаясь поближе. — Дай-ка ещё угадаю... Ты что, собственного батюшку оприходовал?

Шитоу так и подпрыгнул на месте от возмущения. Одним махом он выпрямил ногу и со всей силы пинком отправил наглого мальчишку прямо в журчащий ручей.

<http://bllate.org/book/18360/1798424>